

ПРИРОДА РЕСТИТУЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье исследуется природа правоотношений, в рамках которых существуют и реализуются реституционные права и обязанности сторон недействительной сделки. Подобный аспект реституции в отечественном правоведении практически не изучен и впервые становится предметом специального научного анализа.

За последние десять лет термин «реституция» стал одним из наиболее распространенных в российском гражданском праве несмотря на отсутствие его легального закрепления. Его употребляют как авторы теоретических исследований, так и юристы-практики в повседневной профессиональной деятельности. Вместе с тем использование механизма реституции зачастую не опирается на правильное понимание природы этого юридического средства и его места в системе иных гражданско-правовых охранительных мер. Одна из причин этого видится в том, что обязанности сторон недействительной сделки, установленные п. 2 ст. 167 и другими нормами § 2 гл. 9 ГК РФ (обязанности по реституции), принято рассматривать изолированно, а не в качестве элементов юридического отношения. Между тем ценность научной категории правоотношения во многом определяется именно ее эвристическим потенциалом. В настоящей статье предпринимается попытка восполнить отмеченный пробел и исследовать природу правоотношений, в рамках которых существуют и реализуются реституционные права и обязанности.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕСТИТУЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Согласно п. 2 ст. 167 ГК РФ «при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге), возместить его стоимость в деньгах – если иные последствия недействительности не предусмотрены законом».

Гражданские субъективные права и обязанности существуют и реализуются в рамках правоотношений. Из этого следует, что и реституционные обязанности входят в содержание некоторого гражданского правоотношения, которое, как и всякое юридическое отношение, представляет собой корреляцию субъективных прав и обязанностей. Таким образом, несмотря на отсутствие в п. 2 ст. 167 ГК РФ какого-либо упоминания о правах последние также составляют содержание реституционного правоотношения наряду с корреспондирующими им обязанностями, прямо предусмотренными анализируемым положением ГК. Возникает вопрос о сущности этих субъективных прав и обязанностей, равно как и о природе объединяющего их реституционного правоотношения в целом.

В литературе были высказаны различные суждения по данному вопросу. Согласно мнению одних, возврат сторонами друг другу всего полученного по недействительной сделке или компенсация его стоимости в деньгах происходят в рамках обязательственных правоотношений [1. С. 120–121; 2. С. 12]. Другие, напротив, категорически отрицали обязательственный характер реституции. «Не говоря уже о том, что при совершении незаконной сделки каждая из сторон

обычно не заинтересована в признании ее недействительной, а потому не имеет каких-либо претензий к своему контрагенту, факт предъявления претензии не превращает участника подобной сделки в кредитора, так как возвращение ... в первоначальное положение достигается не в результате совершения действий должника, а с помощью правоохранительных органов», – указывал, например, Ю.Х. Калмыков [3. С. 51]. Впрочем, автор не останавливался на исследовании реституционных отношений более подробно, оставив вопрос об их правовой природе открытым. Рассмотрим, может ли приведенное суждение служить опровержением тезиса об обязательственной природе реституции.

Во-первых, едва ли нужно доказывать, что возможная незаинтересованность стороны недействительной сделки в реституции не означает отсутствия самого субъективного права на реституцию и корреспондирующей этому праву обязанности другой стороны недействительной сделки. Права и обязанности существуют объективно, независимо от воли и сознания их субъектов, ибо возникают на основе норм объективного права, при наличии предусмотренных этими нормами фактов реальной действительности (юридических фактов). В других правоотношениях управомоченное лицо также не всегда предъявляет претензию или иск, однако это не означает отсутствия у него субъективного права (притязания). Кроме того, в настоящее время уже нельзя сказать, что стороны недействительной сделки, «как правило», не заинтересованы в признании этой сделки недействительной и применении реституции. Напротив, такие требования становятся все более распространенными в судебной практике, да и тогда, когда появилась цитированная работа Ю.Х. Калмыкова, о незаинтересованности сторон в признании сделки недействительной и реституции можно было вести речь лишь применительно к некоторым категориям недействительных сделок, а именно мнимым и притворным сделкам, сделкам, совершенным с целью, заведомо противной интересам социалистического государства и общества, и отчасти сделкам, не соответствующим закону. Что же касается иных сделок, в том числе недействительных в силу пороков воли или недостатка дееспособности одной из сторон, то интерес потерпевшего, заблуждавшегося, недееспособного, несовершеннолетнего и т.п. в признании таких сделок недействительными и применении соответствующих последствий был очевиден и никогда не вызывал сомнений.

Во-вторых, нельзя принять в качестве аргумента против обязательственной природы реституции и другое утверждение Ю.Х. Калмыкова – о том, что возвращение в первоначальное положение достигается не в результате совершения действий самим должником, а вследствие применения мер принуждения правоохранительными органами. В п. 2 ст. 167 и некото-

рых иных статьях § 2 гл. 9 ГК РФ говорится именно об обязанности сторон недействительной сделки возратить полученное по сделке в натуре или возместить его стоимость в деньгах (аналогичное положение содержалось и в ГК РСФСР 1964 г.¹). Однако возложение всякой обязанности, естественно, предполагает возможность ее добровольного исполнения. В противном случае обязывание не имело бы смысла. Да и с практической точки зрения вряд ли существуют препятствия для добровольного исполнения сторонами недействительной сделки своих реституционных обязанностей. Как и любое гражданское правоотношение, правоотношение по реституции реализуется добровольно либо принудительно и в этом плане не составляет никакого исключения.

Обязательственная природа реституции становится очевидной, если обратиться к легальному определению обязательства. «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности» (п. 1 ст. 307 ГК РФ). Права и обязанности сторон недействительной сделки полностью подходят под это определение: в соответствии с п. 2 ст. 167 ГК РФ каждая сторона обязана совершить в отношении другой стороны определенное действие – передать имущество или уплатить деньги, а другая сторона, как следует из логического толкования этой же нормы, вправе требовать исполнения данной обязанности.

Реституционное правоотношение является обязательственным. Подобно всякому обязательству, это относительное правоотношение, так как связывает конкретных лиц – сторон недействительной сделки или их правопреемников, а не «всех и каждого». С точки зрения основания своего возникновения оно является внедоговорным, ибо возникает не в силу договора (договор недействителен), а в силу закона. По функциям, выполняемым в механизме правового регулирования, реституционное обязательство имеет, несомненно, охранительный характер, поскольку возникает как реакция правопорядка на бесосновательные изменения в имущественной сфере сторон недействительной сделки.

От иных охранительных обязательств, в частности кондиционного и деликтного, реституционное правоотношение, казалось бы, отличается тем, что если первые представляют собой безусловно одностороннюю правовую связь между должником и кредитором, в которой праву одного корреспондирует обязанность другого, то реституция, по общему правилу, является двусторонней: возратить все полученное по недействительной сделке в силу п. 2 ст. 167 ГК РФ обязана каждая из сторон. Означает ли эта двусторонность, что в реституционном правоотношении права и обязанности являются встречными², взаимными, как в синаллагматических договорах (п. 2 ст. 308 ГК РФ)?

При поверхностном взгляде вполне естественным кажется положительный ответ на этот вопрос. «Возврат имущества носит встречный характер – именно это и означают слова “двусторонняя реституция”», –

пишет К. Скловский [4. С. 38]. Однако при более глубоком анализе подобная трактовка реституционного обязательства не может быть признана правильной.

По определению В.К. Райхера, в двустороннем правоотношении «каждая из ... сторон является по отношению к другой и управомоченною, и правообязанною, и притом еще так, что обязанности одной стороны выступают... в качестве некоего эквивалента обязанностей другой стороны, являются взаимными не только в формальном смысле внешнего “противостояния” друг другу, но и в материальном смысле внутреннего между собою соответствия, как взаимно обуславливающие и взаимно уравнивающие друг друга» [5. С. 283]. В двустороннем правоотношении, отмечал М.М. Агарков, «два различных по своему содержанию обязательства³ взаимно обуславливают друг друга так, что по общему правилу исполнение одного из них должно быть произведено лишь в случае и в меру исполнения другого». «Благодаря этой взаимной обусловленности получается одно целое правоотношение со сложной структурой» [6. С. 66; 7. С. 275–276].

Соответствуют ли названным признакам синаллагмы реституционные права и обязанности сторон недействительной сделки?

Прежде всего нужно заметить, что реституция, как известно, не всегда является двусторонней. При недействительности некоторых сделок обязанность по возврату полученного лежит только на одной стороне. Таковы сделки, по которым предоставление производит лишь одна сторона, – заем, ссуда, дарение и др. Обязанными вернуть полученное здесь являются, соответственно, заемщик, ссудополучатель, одаряемый. Таковы сделки, хотя и предполагающие взаимность предоставлений, но исполненные полностью или частично только одной стороной. Обязанность реституции в этом случае лежит на противоположной стороне. Наконец, нормы об отдельных видах недействительных сделок в принципе исключают реституцию в отношении стороны, действовавшей умышленно, предусматривая вместо этого обращение всего полученного другой стороной в доход государства (ст. 169, 179 ГК РФ). В перечисленных ситуациях принято говорить об односторонней реституции⁴, которая по определению не может быть синаллагматической.

Но даже если соответствующие права и обязанности возникают у обеих сторон недействительной сделки, если, иными словами, имеет место так называемая двусторонняя реституция, то и в этом случае неверно было бы считать реституционное правоотношение взаимным (двусторонним). Стороны недействительной сделки обязаны передать друг другу в порядке реституции некоторое имущество или уплатить определенные денежные суммы не потому, что получают или ожидают получить взамен какое-либо встречное предоставление (эквивалент), как во взаимных договорах. Каждая сторона обязана совершить соответствующее действие исключительно в силу того, что без правовых оснований удерживает имущество другой стороны, неосновательно получила за счет последней какую-либо имущественную выгоду, а также в силу некоторых иных обстоятельств (см. ниже). Следовательно, в реституционных обязательствах отсутствует главное, что характеризует синаллагматиче-

ское правоотношение, – взаимообусловленность субъективных прав и обязанностей сторон, их встречный характер.

Объясняется это тем, что основанием взаимообусловленности и встречности может быть только единое волеизъявление сторон – взаимный договор. Установление же реституционных правоотношений связывается не с договором (договор недействителен, а само по себе его заключение еще недостаточно для применения реституции), но с совершением сторонами недействительной сделки имущественных предоставлений [8. С. 121–122; 9. С. 199, 206; 10. С. 152], т.е. с отдельными юридическими фактами, которые часто могут не совпадать даже по времени. Поэтому сначала, как правило, возникает реституционная обязанность только одной стороны, причем ее существование и обязательность исполнения никак не зависят от последующего возникновения и исполнения одноименной обязанности другой стороны. Последняя может и вовсе не возникнуть, если, например, первая сторона не исполнит сделку либо по закону в отношении нее реституция будет исключена (ст. 169, 179 ГК РФ). Хронологическое несовпадение и возможность обособленного существования реституционных прав и обязанностей также не позволяют говорить об их взаимности и встречности.

Таким образом, то, что обычно понимают под двусторонней реституцией, есть на самом деле реализация двух самостоятельных, взаимно не обусловленных обязательств, односторонних по своей структуре. В каждом из этих обязательств управомоченному лицу (стороне, сделавшей имущественное предоставление) противостоит обязанное лицо (сторона, это предоставление принявшая). Конечно, определенная связь между ними существует: оба возникают между сторонами одной недействительной сделки, а рассмотрение вытекающих из них требований чаще всего происходит в рамках одного судебного процесса. Однако в отличие от синаллагмы эта связь лишь внешняя, а не внутренняя, не функциональная. Она не имеет характера эквивалентности и достаточно неустойчива (в частности, наступившая невозможность реституции в отношении одной из сторон сделки не прекращает реституционного притязания другой стороны). Если воспользоваться выражением В.К. Райхера, можно сказать, что рассматриваемые права и обязанности взаимны только в «формальном смысле внешнего «противостояния» друг другу», но не в «материальном смысле внутреннего между собою соответствия». Не образуя синаллагмы, они входят в содержание отдельных, независимых друг от друга односторонних обязательств. Какова же правовая природа последних?

НЕОДНОРОДНОСТЬ РЕСТИТУЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В литературе было высказано мнение, что «складывающиеся между сторонами недействительной сделки отношения по возврату имущества ... являются внедоговорными деликтными обязательствами» [2. С. 12]. В основе этого взгляда лежало предположение о том, что действия по исполнению некоторых недействи-

тельных сделок «ничем не отличаются от деликта» [там же]. Даже если оставить в стороне вопрос о правильности такой квалификации (исполнительные действия, которые имел в виду автор, на самом деле не всегда можно рассматривать как деликты), подобное понимание природы реституционных правоотношений нельзя признать верным.

Во-первых, обязательство по реституции возникает (за исключением случаев недопущения реституции) вследствие любого исполнения недействительных сделок, а не только тогда, когда, по мнению автора рассматриваемой точки зрения, имеет место деликт. Уже одно это препятствует тому, чтобы характеризовать реституционное обязательство, содержание которого не зависит от основания недействительности сделки, в целом как деликтное.

Во-вторых, и это главное, в рамках деликтного обязательства всегда реализуются меры гражданско-правовой ответственности, основанные на факте противоправного причинения вреда и состоящие в лишении деликвента части его имущества. При реституции же истребованию подлежит, как правило, то, что получено лицом по недействительной сделке, а потому либо ему не принадлежит, либо составляет его неосновательное обогащение. Такой возврат никак не связан с причинением вреда и мерой ответственности не является. Об ответственности можно говорить лишь в том случае, если получатель обязан возместить стоимость полученного по недействительной сделке в деньгах при отсутствии у него соответствующего обогащения (например, если вещь погибла).

Вытекающая из содержания п. 2 ст. 167 ГК РФ (абз. 2 ст. 48 ГК РСФСР 1964 г.) неоднородность прав и обязанностей сторон недействительной сделки (возврат полученного в натуре может заменяться компенсацией его стоимости) послужила основанием для вывода об особой природе реституционного обязательства [1. С. 120–121], позволяющей, в частности, не нарушая его тождества, переходить от требования о возврате вещи к требованию о денежной компенсации [11. С. 105].

Между тем, анализируя п. 2 ст. 167 ГК РФ, необходимо помнить, что правовая норма часто не совпадает с синтаксической единицей текста статьи или пункта нормативного акта. Предписание п. 2 ст. 167 ГК РФ предусматривает, по существу, две юридические ситуации:

1) по недействительной сделке передана вещь, и она находится во владении другой стороны и

2) переданная по недействительной сделке вещь не сохранилась в натуре либо предоставление по сделке выразилось в пользовании имуществом, выполнении работы или оказании услуги.

Описание этих ситуаций (явно выраженное или подразумеваемое) образует соответственно гипотезы двух различных правовых норм, на основании которых, при наступлении предусмотренных данными гипотезами юридических фактов, возникают самостоятельные притязания. Первое из них направлено на восстановление утраченного владения вещью, второе служит охране интереса стороны недействительной сделки в восстановлении ее имущественного состояния. Осуществление и того и другого принято назы-

вать одним термином – «реституция», хотя между ними имеется существенная разница, подобная той, что отличает виндикационное притязание от заменяющего его в случае гибели вещи требования о возмещении убытков. Совершенно очевидно, что при утрате имущества его истребование (по крайней мере, из владения ответчика) становится невозможным, а следовательно, и притязание, направленное на возврат этого имущества, как бы оно ни называлось, прекращает свое существование, а не «преобразуется» в какое-либо другое требование. Не составляет в этом плане исключения и вещный иск. Хотя он, как принято выражаться, и «следует» за вещью, осуществляемое с его помощью притязание (право требования) всегда относительно: направленное против конкретного лица, оно прекращается и вновь возникает всякий раз, как только вещь оказывается у нового незаконного владельца.

Таким образом, природа реституционных правоотношений может быть различной в зависимости от того, на какой объект направлено притязание стороны недействительной сделки. Исходя из этого, все рассматриваемые обязательства можно подразделить на две группы:

- 1) обязательства, направленные на возврат переданной по сделке и сохранившейся в натуре индивидуально-определенной вещи (реституция владения) и
- 2) обязательства, направленные на возмещение стоимости полученного по сделке в деньгах (компенсационная реституция). Рассмотрим каждую из этих групп в отдельности.

РЕСТИТУЦИЯ ВЛАДЕНИЯ

Если по сделке была передана вещь, которая сохранилась в натуре, то вследствие отсутствия у другой стороны (получателя) правовых оснований владения ею (сделка недействительна) реституция принимает, по существу, форму истребования этой вещи из чужого незаконного владения (виндикации) [12. С. 219–220; 13. С. 114–115; 14. С. 114–117, 120, 128, 134, 152].

Хотя виндикационное правоотношение не всеми признается обязательственным (в заблуждение вводит категория «вещного» иска), оно в действительности является именно таковым, ибо в его рамках реализуется охранительное право требования – притязание, а любое притязание, как известно, может быть только относительным⁵. При этом не следует смешивать объект вещной защиты (вещное право), от которого, собственно, и получил название вещный иск, со средством такой защиты (обязательственным правом).

Против виндикационной природы реституции высказывается два основных аргумента: во-первых, виндикационное требование может быть обращено против любого незаконного владельца (абсолютный характер защиты), при реституции же «требование не идет дальше стороны сделки» (т.е. является личным) [15. С. 108, 115; 11. С. 105]; во-вторых, виндикация защищает право собственности или иное право титульного владения, тогда как при реституции имущество возвращается сторонам недействительной сделки «только в силу того, что оно было ранее ими же передано, но никак не потому, что стороны имеют на него какое-либо право» [4. С. 35].

Действительно, требование о реституции – строго личное, однако, как было показано выше, личным (в смысле относительным) является вообще всякое право требования, включая и виндикационное. Другое дело, что последнее как бы «следует» за вещью, т.е. пассивно легитимирует любого ее незаконного владельца: «Ubi rem meam invenio, ibi vindico» («Где мою вещь нахожу, там [ее] виндицирую»)⁶ [16. С. 188]. Но требование о реституции, будучи также виндикационным, именно потому и обращено к другой стороне сделки, что истребуемая вещь находится у нее. Если же вещь выбывает из ее незаконного владения и переходит к другому лицу, виндикационный иск направляется уже против нового владельца⁷. Иными словами, истребование собственником в порядке п. 2 ст. 167 ГК РФ переданной им по недействительной сделке вещи – частный случай виндикации, обусловленный нахождением этой вещи у другой стороны недействительной сделки.

Что касается второго аргумента сторонников самостоятельности реституционного обязательства, то, если встать на их позицию и признать, что реституция производится независимо от прав сторон на переданное ими имущество и вообще независимо от каких-либо их правовых качеств, становится непонятно, каков объект подобной защиты. Поскольку это не право, им, очевидно, должен быть признан некоторый охраняемый законом интерес. Такой интерес, действительно, имеется у стороны сделки, если она претендует на узаконивание, т.е. отвечает всем требованиям, при соблюдении которых возможно приобретение права собственности по давности владения (п. 2 ст. 234 ГК РФ) и при условии, что передача вещи фактически произошла помимо ее воли либо эта воля сформировалась порочно. Имеются в виду сделки, недействительные вследствие недееспособности традента, а также совершенные им под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угроз и др. [8. С. 120]. Наличие законного интереса в восстановлении беститульного владения следует, вероятно, признать за потерпевшей стороной в таких сделках и при отсутствии условий приобретательной давности: охраняемым интересом здесь будет интерес в спокойном владении, в его защите от любых самоуправных посягательств или ошибочных, случайных действий, а сама реституция примет форму посессорной (владельческой) защиты. Во всех остальных ситуациях беститульного владения обнаружить какой-либо заслуживающий юридической защиты интерес владельца в возврате вещи, ему не принадлежащей, которую он сам же передал другому лицу, просто невозможно. А без объекта защиты нет, разумеется, и самой защиты.

Иначе рассуждают сторонники «неограниченной» реституции. Не задаваясь вопросом об объекте защиты, они делают акцент на том, что независимо от наличия или отсутствия у истца прав на вещь последнюю, во всяком случае, недопустимо оставлять у того, кто определенно никаких прав на нее не имеет. «Единственное рациональное объяснение ... (ограничению реституции. – Д.Т.), – пишет, например, К. Скловский, – может состоять только в том, что нельзя отдавать вещь тому, у кого, по видимости, нет права на нее. Но если исходить из этого, то как можно оставлять вещь у того, у кого

несомненно нет права на нее? ...Суд, отказывая в реституции потому, что истец не доказал права на вещь, оставляет вещь ответчику, у которого права нет без всякого доказывания (курсив автора. – Д.Т.). Иначе, как крайне нелогичным, чтобы не сказать бессмысленным, такой подход назвать невозможно» [15. С. 112].

Из приведенного высказывания нетрудно увидеть, почему его автор отдает предпочтение в споре истцу: хотя тот и не доказал своего права, это еще не означает, что у него права нет, а вот ответчик не имеет права бесспорно, поэтому вещь нужно у него отобрать и передать истцу. По существу, речь идет не о чем ином, как о провизорной владельческой защите (хотя в классическом понимании владельческая защита исключает не только доказывание права, но даже и предположение о нем). Не останавливаясь на этом вопросе более подробно, отметим лишь, что такой подход не должен и не может быть универсальным. Как было показано, он оправдан лишь в тех ситуациях, когда воля одной из сторон при совершении сделки и передаче вещи либо отсутствует совсем (психическое расстройство, малолетство), либо сформировалась неправильно или несвободно. В противном случае нет и предпосылок для владельческой защиты.

Далее, обращая внимание на проблему доказывания, К. Скловский упускает из виду презумпцию права собственности фактического владельца, сформулированную еще до революции [17. С. 98] и подтвержденную Верховным судом РСФСР в середине 20-х гг., хотя и в достаточно ограниченных пределах – только применительно к спорам «между частными лицами одного класса (трудящимися и нетрудящимися между собой)» [18. С. 332–333]. Эта презумпция, не получившая прямого закрепления в нашем законодательстве, тем не менее единодушно признавалась доктриной [19. С. 578–581; 20. С. 128; 21. С. 133–134, 163; 22. С. 57, 83, 88 (сн. 1); 23. С. 197, 201–209; 24. С. 80]. В самом деле, странно было бы требовать, например, от гражданина, предъявившего иск о возврате украденных у него из квартиры вещей, доказательств его права собственности на все эти вещи. Такое доказывание было бы практически невозможным, поскольку требовалось бы не только установить, как и у кого истец приобрел истребуемое имущество, но и проверить законность всех сделок, предшествующих его приобретению (так называемая *probatio diabolica*). В действительности, учитывая названную презумпцию, истцу достаточно лишь доказать, что до факта кражи вещами владел именно он; доказывать же отсутствие у истца какого-либо права должно быть предоставлено ответчику, если, конечно, этот факт не будет явствовать из иных обстоятельств дела. Таким образом, вопреки трактовке К. Скловского, при ограничении реституции речь идет только о том, что если доказано отсутствие у истца прав на истребуемое имущество и при этом нет предпосылок для посессорной защиты, в реституции должно быть отказано. При противоположном подходе воспользоваться реституцией могли бы, теоретически, даже вор, продавший краденое, а затем потребовавший его обратно на основании п. 2 ст. 167 ГК РФ.

Наконец, трудно понять стремление сторонников «неограниченной» реституции изъять вещь у ее неза-

конного владельца (получателя по сделке) во что бы то ни стало, пусть и не в пользу собственника. Вдвойне странно, что призывы к этому исходят от автора, через все творчество которого красной нитью проходит идея консервации состояния «разделения владения и собственности», автора, который склонен отстаивать защиту незаконного владения даже там, где для нее, казалось бы, нет никаких оснований. Почему же при равной неуправомоченности как истца, так и ответчика, предпочтение должно быть отдано первому, который уже даже не является фактическим владельцем спорной вещи? Где тут логика и смысл, в отсутствии которых К. Скловский упрекает критикуемую им позицию, базирующуюся на ясном принципе: «*In pari causa possessor potior haberi debet*»⁸?

Сказанное приводит к выводу, что при истребовании переданной по недействительной сделке индивидуально-определенной вещи реституция, в зависимости от конкретных условий, принимает форму либо виндикации (при наличии у истца титула владения), либо посессорной защиты (если сделка недействительна вследствие пороков воли или недееспособности истца, не имеющего титула владения). В остальных случаях при отсутствии предпосылок как виндикационной, так и владельческой защиты реституция невозможна, ибо истец не имеет охраняемого законом интереса в восстановлении владения вещью.

КОМПЕНСАЦИОННАЯ РЕСТИТУЦИЯ

Выяснив природу реституционного обязательства, направленного на истребование индивидуально-определенной вещи (реституция владения) [8. С. 115–135], обратимся ко второй разновидности реституции – компенсационной, состоящей в возмещении стоимости полученного по недействительной сделке в деньгах.

Такое обязательство, денежное по своему предмету, возникает прежде всего тогда, когда переданная по недействительной сделке вещь не сохранилась у получателя либо предоставление выразилось не в передаче вещи, а в выполнении работ или оказании услуг. Заметим, что в п. 2 ст. 167 ГК РФ обязанность по возмещению стоимости полученного в деньгах при невозможности его возврата в натуре внешне сформулирована как безусловная, независящая от вины стороны недействительной сделки или каких-либо иных обстоятельств. Это также зачастую служит основанием для объявления реституции самостоятельным охранительным средством, стоящим вне системы классических гражданско-правовых способов защиты. На практике такое толкование нередко приводит к тому, что компенсационная реституция производится без учета фундаментальных цивилистических принципов, определяющих бремя несения риска случайной гибели или повреждения имущества, устанавливающих основания и условия гражданско-правовой ответственности и др. Но является ли обязанность компенсировать стоимость полученного в деньгах действительно безусловной?

Думается, что нет. Наличие этой обязанности не вызывает сомнений в тех случаях, когда невозможность натуральной реституции сопряжена с возникновением на стороне получателя имущественной выгоды, состоя-

шей либо в неосновательном получении имущества (если, например, вещь, подлежащая возврату, возмездно отчуждена третьему лицу), либо в его неосновательном сбережении (например, если вещь потреблена самим получателем). В этой части реституционное правоотношение принимает форму обязательности из неосновательного обогащения, и объем реституции определяется размером обогащения получателя [12. С. 220, 223, 225; 13. С. 114–115; 14. С. 114–115, 117, 129–130, 152].

Не столь однозначно решение вопроса в ситуации, когда получатель никак не обогатился (например, вещь погибла или похищена) либо размер его обогащения оказался ниже стоимости полученного. При буквальном толковании п. 2 ст. 167 ГК РФ получается, что и в этом случае он обязан произвести компенсацию своему контрагенту в полном объеме, независимо от того, по какой причине наступила невозможность возврата полученного и есть ли в этом его вина. Но если такое положение, по-видимому, справедливо в отношении лица, сознательно заключившего сделку с несовершеннолетним или недееспособным либо использовавшего при ее заключении насилие, угрозы, обман и т.п.⁹, то этого же нельзя сказать применительно к иным ситуациям, особенно если речь идет об утрате вещи самим несовершеннолетним или недееспособным. Безусловное возложение на получателя обязанности возместить стоимость полученного противоречило бы цели соответствующих норм, призванных ограждать интересы более слабой стороны в сделке, а при равном положении сторон было бы не всегда обоснованным с точки зрения баланса их интересов. Очевидно, здесь необходим строго дифференцированный подход, учитывающий все значимые для установления подобной обязанности обстоятельства. Какими же должны быть критерии такого подхода? Каково значение причин, в силу которых наступает невозможность возврата полученного в натуре?

При ответе на эти вопросы исходить следует из того, что практически любое денежное возмещение, если оно не составляет регулятивной обязанности (например, обязанности страховщика по договору страхования) или не направлено на возврат неосновательного обогащения, является мерой ответственности и должно иметь те или иные субъективные основания¹⁰. В противном случае обосновать обязанность одного лица возместить другому понесенные им в связи с утратой вещи убытки было бы невозможно. Поскольку п. 2 ст. 167 ГК РФ о таких основаниях не упоминает, необходимо обратиться к более общим нормам гл. 60 ГК, согласно которым «приобретатель отвечает перед потерпевшим за всякие, в том числе и за всякие случайные, недостатки или ухудшение неосновательно приобретенного ... имущества, происшедшие после того, как он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения»¹¹ (1 предл. п. 2 ст. 1104 ГК РФ).

В приведенной норме речь идет, по существу, об ответственности получателя [25. С. 139], которая хотя и наступает независимо от его вины в гибели (ухудшении) имущества (об этом свидетельствует указание на то, что получатель отвечает даже за случай), все же обусловлена его недобросовестностью, выразившейся в сознательном неправомерном удержании чужой вещи или ее удержании при таких обстоятельствах,

при которых он должен был знать о том, что вещь ему не принадлежит. В частности, недобросовестность участника недействительной сделки и, следовательно, осознание им незаконности своего владения (возможность такого осознания) будет иметь место тогда, когда ему известно (должно быть известно) о пороке, с которым связана недействительность сделки: ведь именно недействительность обуславливает и неосновательность владения переданной по сделке вещью. При этом предполагается, что о таком пороке, как объективное несоответствие волеизъявления правовым нормам (большинство недействительных сделок, квалифицируемых по ст. 168 ГК РФ), должно быть известно каждому, ибо «никто не может ссылаться на незнание закона».

Итак, при отсутствии признаков обогащения одним из оснований возложения на получателя обязанности по возмещению стоимости полученного в деньгах является его недобросовестность. Как уже было сказано, недобросовестный получатель отвечает за всякую, в том числе и случайную, гибель вещи. В связи с этим может возникнуть вопрос о соотношении данного правила с общей нормой ст. 211 ГК РФ о риске случайной гибели (повреждения) имущества, согласно которой такой риск несет собственник вещи, если иное не предусмотрено законом или договором. Понятно, что при недействительности сделки собственником переданной вещи остается традент, а поскольку п. 2 ст. 167 ГК РФ не установлено «иное», он, по общему правилу, и должен нести риск ее случайной гибели. Однако норма п. 2 ст. 1104 ГК РФ предусматривает, по существу, исключение из данного правила, перенося этот риск на недобросовестного получателя (владельца) вещи и возлагая на него ответственность в том числе и за случай.

С первого взгляда может сложиться впечатление о противоречивости сделанного вывода. Риск случайной гибели и ответственность обычно считаются несовместимыми понятиями, ибо одним из условий ответственности, по общему правилу, выступает вина, в то время как нормы о риске случайной гибели, напротив, рассчитаны на ситуации, когда в гибели или повреждении вещи не виновна ни одна из сторон правоотношения. Тем не менее, гражданскому праву известна ответственность и без вины. Ее, в частности, несет недобросовестный владелец за случайную гибель (повреждение) вещи. Представляется, что ответственность недобросовестного владельца основана именно на риске случайной гибели и является специфическим проявлением последнего в отношениях между таким владельцем и собственником вещи. Если же предположить, что риск случайной гибели на недобросовестного владельца не переходит и что его продолжает нести собственник, было бы неясно, в чем этот риск состоит. Поскольку при случайной гибели вещи собственник получает денежное возмещение, это не позволяет говорить о несении им какого-либо риска: весь риск в силу закона переходит на недобросовестного владельца.

Иное дело, если владелец добросовестен, т.е. не знает и не должен знать о недействительности сделки. На него риск не переходит, поэтому при случайной гибели вещи он и не обязан компенсировать ее стои-

мость. Обязательство натуральной реституции прекращается невозможностью исполнения (ст. 416 ГК РФ), а так как эта невозможность вызвана обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает, не возникает и нового, денежного обязательства по компенсации стоимости утраченной вещи.

Вместе с тем п. 2 ст. 1104 ГК РФ устанавливает еще одно правило, согласно которому приобретатель, до того момента, как он узнал или должен был узнать о неосновательности своего приобретения (т.е. будучи добросовестным), «отвечает лишь за умысел и грубую неосторожность». В этой формулировке сомнение вызывает корректность употребления терминов, обозначающих формы вины («умысел» и «грубая неосторожность»), при характеристике действий добросовестного владельца: ведь добросовестность, как известно, исключает виновность. Речь здесь должна идти, по-видимому, о другом: добросовестный владелец несет ответственность лишь при условии, что он сознательно уничтожил или повредил вещь либо не принял самых элементарных мер по ее сохранности. Думается, именно такие формы поведения имел в виду законодатель, упоминая об умысле и грубой неосторожности. Но поскольку даже уничтожая вещь, добросовестный владелец уверен в том, что эта вещь принадлежит ему, и что он лишь осуществляет свое право собственности, его нельзя признать виновным. Следовательно, возлагаемая на него в соответствии с п. 2 ст. 1104 ГК РФ ответственность, как и ответственность недобросовестного владельца за случайную гибель (повреждение) вещи, является ответственностью без вины.

Квалификация компенсационной реституции в качестве меры ответственности означает, что обязанность по возмещению стоимости полученного не может быть возложена на недееспособных и малолетних, ибо они не обладают деликтоспособностью. Поэтому размер предъявляемых к ним реституционных требований не должен превышать размера их неосновательного обогащения, полученного вследствие совершения и исполнения недействительной сделки. Кроме того, *de lege ferenda* правило п. 2 ст. 1104 ГК РФ следовало бы скорректировать в отношении несовершеннолетних от 14 до 18 лет, хотя по действующему законодательству они и являются полностью деликтоспособными. Поскольку ответственность за случайную гибель или повреждение неосновательно полученного имущества основана на началах риска, несправедливо было бы распространять ее на несовершеннолетних, от которых едва ли можно требовать осознания несоответствия сделки закону или иного ее порока (разумеется, если только сам несовершеннолетний не прибегает при заключении сделки к обману, насилию или угрозам). Основанием их ответственности, по общему правилу, должно быть лишь сознательное уничтожение или повреждение полученной вещи либо непринятие элементарных мер по ее сохранности (т.е. то, что законодатель называет в п. 2 ст. 1104 ГК РФ умыслом и грубой неосторожностью).¹² Если же несовершеннолетний, заключая сделку, оказал неправомерное воздействие на волю другой стороны, его ответственность должна наступать на общих основаниях, предусмотренных п. 2 ст. 1104

ГК РФ, т.е. в том числе и за случайную гибель (повреждение) полученной по сделке вещи.

Завершая анализ компенсационной реституции, необходимо сделать следующий вывод. В случае невозможности возврата полученного по недействительной сделке в натуре может возникать либо обязательство из неосновательного обогащения, либо обязательство, в рамках которого реализуется ответственность получателя¹³. При отсутствии необходимых условий для возникновения и реализации хотя бы одного из этих обязательств реституция не может иметь места. К этому следует добавить, что компенсационная реституция в любой форме допустима лишь при условии принадлежности утраченного или поврежденного имущества другой стороне сделки, ибо в противном случае как охранительная мера она не имела бы своего объекта защиты¹⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование реституционных правоотношений показало, насколько подход, не основанный на системном толковании норм ГК РФ о реституции, упрощает видение достаточно сложных юридических проблем и, не решая их, создает благодатную почву для разнообразных коллизий, практический вред которых очевиден. Стремление придать реституции характер охранительного средства *sui generis* приводит к конструированию довольно примитивного юридического инструмента, не способного обеспечить потребности правового регулирования в соответствующей области общественных отношений. В нормах п. 2 ст. 167 ГК РФ не заложен механизм учета затрагиваемых при осуществлении реституции интересов сторон недействительной сделки, не решены и многие вопросы, связанные с конкретным содержанием их прав и обязанностей. Вместе с тем за тысячелетия своего развития гражданское право выработало систему достаточно надежных критериев, позволяющих наиболее справедливо распределять имущественные потери, неизменно сопутствующие хозяйственной жизни общества. Критерии эти нашли свое воплощение в таких институтах, как виндикация, посессорная защита, обязательства из неосновательного обогащения и вследствие причинения вреда. И этот испытанный временем инструментарий нужно активно использовать при решении правовых проблем, связанных с имущественными отношениями сторон недействительной сделки, а не отказываться от него в пользу упрощенного механизма, неизвестного ни одной развитой правовой системе мира.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Правоотношения, возникающие вследствие имущественных предоставлений по недействительной сделке, являются охранительными внедоговорными обязательствами и, следовательно, подчиняются нормам ГК РФ об обязательствах.

2. По структуре реституционные правоотношения представляют собой односторонние обязательства, не зависящие друг от друга в своем существовании и реализации.

3. Реституционные обязательства неоднородны. В тех случаях, когда истребуется индивидуально-определенная вещь, переданная по недействительной сделке (реституция владения), притязание является либо виндикационным – если у истца имеется титул владения, либо посессорным – если у истца такого титула нет, но вещь выбыла из его владения помимо его воли (при психическом расстройстве, малолетстве), а равно вследствие неправильного или несвободного ее формирования (принуждение, ошибка, обман и др.). При невозможности возврата полученного в натуре реституция принимает форму истребования

неосновательного обогащения или ответственности, но при условии, что истец имел право на переданную им вещь или предоставление выразилось в выполнении работы или оказании услуги. Если же условия виндикации, посессорной защиты, кондикции или ответственности отсутствуют, реституция не может иметь места.

4. Учитывая сказанное, нормы п. 2 ст. 167 ГК и иных положений § 2 гл. 9 ГК РФ о реституции не могут применяться изолированно от правил о соответствующих видах гражданско-правовых охранительных обязательств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абз 2 ст. 48 ГК РСФСР 1964 г.: «По недействительной сделке каждая из сторон обязана возвратить другой стороне все полученное по сделке, а при невозможности возвратить полученное в натуре – возместить его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены в законе»

² Под «встречностью» здесь понимается взаимность, взаимообусловленность двух неоднородных требований, в этом значении данный термин употребляется, например, в ст. 328 ГК РФ. В ином смысле использует его ст. 410 ГК РФ, согласно ей «встречными» признаются любые однородные требования, независимо от оснований их возникновения, противопоставленные друг другу и взаимологаемые зачетом

³ Под обязательством автор понимал не обязательственное правоотношение в целом, а каждую отдельно взятую «связку» обязанности и корреспондирующего ей субъективного права, т.е. один из элементов содержания двустороннего обязательства в общепринятом понимании этого термина

⁴ При умысле обеих сторон сделки, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), реституция исключается в отношении обеих сторон (недопущение реституции). Поскольку в этом случае не возникает реституционного обязательства, для настоящего исследования недопущение реституции интереса не представляет

⁵ Отдельными авторами предпринимается попытка ввести в оборот категорию абсолютного или вешного притязания, однако это требует серьезного теоретического обоснования, которое они, к сожалению, не дают [15. С. 108 (сн. 1), 117]

⁶ По-видимому, формула эта появилась уже после Юстиниана на основе анализа и толкования положений Дигест о виндикации (D. 6. 1)

⁷ При обозначении такого иска у нас не принято использовать термин «реституция», в отличие, например, от римского права (*Ulp. 16 ad ed., D. 6. 1. 9. «restituere rem»*)

⁸ «В равных условиях владелец должен считаться имеющим преимущество» (*lat. (Paul lib. 19 ad ed., D. 50. 17, 128 pr.)*)

⁹ Помимо компенсации стоимости вещи такой контрагент обязан также возместить потерпевшему всякий иной реальный ущерб, возникший у него в связи с совершением сделки, ее исполнением или реституцией (ст. 171, 172, 175–177, 179 ГК РФ)

¹⁰ Не является исключением и возмещение вреда независимо от вины причинителя (см., напр., ст. 1079 ГК РФ). Хотя в литературе оно не всегда признается ответственностью, в его основании также лежит субъективная предпосылка (принятие на себя риска возможных неблагоприятных последствий). Впрочем, в некоторых случаях обязанность возместить причиненный вред действительно может конструироваться и не в качестве меры ответственности (см., напр., ст. 1067 ГК РФ)

¹¹ Необходимо заметить, что под «неосновательным обогащением» в п. 2 ст. 1104 ГК РФ следует понимать не обогащение в собственном смысле, а неосновательное получение индивидуально-определенной вещи. Только так можно объяснить указание в том же пункте на «недостачу» и «ухудшение» имущества. Неосновательно полученная вещь, пока она сохраняется в натуре, остается в собственности потерпевшего и не может составлять «обогащения» приобретателя. Поэтому употребление в п. 2 ст. 1104 ГК РФ термина «неосновательное обогащение» некорректно

¹² О необходимости ограничения ответственности по сравнению с тем, как она определена в п. 2 ст. 1104 ГК РФ, можно было бы говорить и применительно к лицам, заключившим сделку под влиянием насилия, угроз, обмана или иных подобных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ), однако в силу п. 2 ст. 179 ГК эти лица обязаны передать все полученное ими по сделке не своему контрагенту, а государству, при невозможности же такой передачи в доход государства взыскивается стоимость полученного в деньгах. Поскольку соответствующие обязанности установлены в пользу государства, они не являются реституционными, и их анализ выходит за рамки настоящего исследования

¹³ Вопрос о природе ответственности, предусмотренной п. 2 ст. 1104 ГК РФ, спорен. По мнению Ю. К. Толстого, эта ответственность является деликтной [25. С. 139]. Вместе с тем нельзя не заметить, что по сравнению с деликтной ответственностью она имеет и существенные особенности. Так, если деликвент отвечает только за причиненный им вред (это следует и из самого названия соответствующих обязательств – обязательств вследствие причинения вреда), то для ответственности незаконного владельца не требуется, чтобы вред был причинен именно им: вещь может погибнуть и в результате действий третьих лиц, и вследствие природных явлений. Если, далее, вина деликвента (при ответственности за вину) имеет отношение к противоправному причинению вреда, то вина (недобросовестность) незаконного владельца относится к самому неправомерному удержанию вещи. Однако применительно к рассматриваемой проблеме важно то, что в рамках соответствующего обязательства вообще реализуется мера ответственности

¹⁴ Примечательно, что такое ограничение реституции признается даже теми, кто отстаивает самостоятельность реституционных правоотношений [15. С. 116–117]. Это в значительной мере подрывает их собственную концепцию. Непоследовательным и нелогичным выглядит также признание кондикционной природы денежной реституции [там же] при одновременном отрицании таковой [15. С. 117 (сн. 20)], равно как и разделение реституционных обязательств на натуральные и денежные [15. С. 115] при одновременном утверждении, что требование о реституции едино и лишь «пробразовуется» из натуральной формы в денежную [11. С. 105].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой В. С. Понятие обязательства по советскому гражданскому праву // Учен. зап. ВЮЗИ. Вып. 19. М., 1971.
2. Михайлич А. М. Внедоговорные обязательства в советском гражданском праве. Краснодар, 1982.
3. Калмыков Ю. Х. Принципы всемерной охраны социалистической собственности в гражданском праве. Саратов, 1987.
4. Скловский К. Защита владения, полученного по недействительной сделке // Хозяйство и право. 1998. № 12.
5. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (К проблеме деления хозяйственных прав) // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. 1928. Вып. 1 (XXV).
6. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юриздат, 1940.
7. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2-х т. М., 2002. Т. 1.
8. Тузов Д. О. Реституция и виндикация: проблемы соотношения // Вестник высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2002. № 3.
9. Тузов Д. О. О правовой природе недействительных сделок // Гражданское законодательство Республики Казахстан. Астана, 2002. Вып. 14.
10. Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость сделок: классическая доктрина и проблемы российской цивилистики // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. М.: Статут, Екатеринбург: Институт частного права, 2002. Вып. 2.
11. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М.: Дело, 1999.

12. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951.
13. Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955.
14. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960.
15. Склоцкий К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2002. № 8.
16. Римское частное право. Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М.: Новый Юрист, 1997.
17. Журналы Редакционной Комиссии, Высочайше учрежденной для составления проекта Гражданского Уложения. Проект книги III (вотчинное право). СПб., 1904.
18. Определение ГКК Верховного суда РСФСР от 11 марта 1924 г. // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 14
19. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948.
20. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955.
21. Халфина Р.О. Право личной собственности граждан в СССР. М., 1955.
22. Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М., 1961.
23. Маслов В.Ф. Осуществление и защита права личной собственности в СССР. М., 1961
24. Толстой Ю.К. Спорные вопросы учения о праве собственности // Сборник ученых трудов СЮИ. Свердловск. 1970. Вып. 13.
25. Толстой Ю.К. Проблема соотношения требований о защите гражданских прав // Правоведение. 1999. № 2.

Статья представлена кафедрой гражданского права Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Юридические науки» 10 июля 2003 г.